

После конца света

Грядущие восстания, часть IV

Йорг Финкенбергер

2008

Для того, кого я не хочу забыть.

Мир, в котором мы сегодня живём, никогда не закончится. Ибо мы уже живём после конца света. Катастрофе, которой всё равно все опасаются, больше не надо происходить. То, что всё продолжается, как раньше, после всего, что было, это и есть катастрофа.

Ранняя коммунистическая критика капитала основывала свои надежды на его возможное упразднение на указание, что капитал существует под знаком кризиса. Капитал создаёт при помощи мирового рынка, пролетариата и развития средств производства основания для своего упразднения и всеобщего освобождения, а его внутренние противоречия, которые насильственно проявляются во время кризиса и со временем всё более обостряются, делают его крах неизбежным.

Двойственной неизбежностью — из борьбы классов и финального кризиса — родилось обещание мировой революции, в которой пролетариат как класс-освободитель упраздняет основания старого порядка: государство, семью и капитал, и сохраняет достижения их цивилизации, на их высочайшем уровне, для наконец-то освобождённого человечества. Это обещание не сбылось, но не потому, что оно было неверным, а потому, что революционеры не победили.

Потому, что мировой кризис действительно настал, а также мировая война и начало революции, которая положила войне конец, но когда капитализм вошёл в 1929-м году в стадию своего финального кризиса, революция потерпела крах. В национал-социализме общество капитала, наконец, достигло точки полнейшего развития своего потенциала: в виде антисемитского народного коллектива начисто лишённого как кризисов, так и всяческих противоречий, т.к. этот коллектив сам продолжает дело кризиса, абсолютно идентичен сам с собой и не подразумевает ничего, кроме уничтожения.

На этом, собственно, и заканчивается история кризиса и революции, доказательство того, что общество капитала ни в коем случае не производит предпосылок для коммунизма, предоставлено. С классовой борьбой, и даже с финальным кризисом немцы расправились, настолько сильно они любили власть. В том масштабе, в

каком германский национал-социализм глобализируется, перенимается другими обществами как модель, вся история до сегодняшнего дня более не может рассматриваться как предыстория освобождённого человечества, но как история вечной катастрофы.

Попытка революции 1968-го года произошла уже в то время, которое было осуждено на вечное возвращение того же самого, без всякого предупреждения и безо всяких объяснений, которые можно было произвести из объективных тенденций. Восстание против истории, почти что мираж. И хотя законы движения капитала не допускают сомнений в том, что рок кризиса висит и над после-фашистскими обществами, бунт 1968-го года, несмотря на все объяснения левых, которые сами ничего так и не поняли, не был реакцией на экономический кризис.

Экономический кризис нагрелся, напротив, после бунта, и это был самый продолжительный и самый глубокий кризис в истории капиталистической экономики. Он не закончился до сих пор. То, что он длится более тридцати лет, то, что это, вообще, кризис, понятно уже не всем, настолько он стал повседневностью. Мы живём в нём. Все экономические объяснения обломали о него зубы: все более существенные нарушения конъюнктуры во всё более укорачивающихся циклах, убыстряющееся от цикла к циклу высвобождение рабочей силы, всё более интенсивное использование рабочей силы при массовой безработице, невероятная аккумуляция при обнищании целых областей планеты, и надо всем — катастрофальное падение уровня прибыли на протяжении многих циклов.

Среди тех, кто хочет заниматься не экономикой, а её критикой, существует два течения. Одна школа, назовём её объективной, ссылается на третий том «Капитала»; там, к примеру, Бишофф, Хуффшмит и Курц¹ обнаруживают такое объяснение, что с нарастающим усложнением структуры капитала, т.е. с продолжающимся замещением человеческой рабочей силы машинами, должен понижаться уровень прибыли, и делают из этого вывод, что при сегодняшнем уровне развития производительных сил реальное производство является менее выгодным, чем так называемые спекуляции на так называемом финансовом рынке. Ищущий возможности вложений капитал и незадействованная рабочая сила противостоят друг другу; но их обмен всё менее выгоден для капитала. Точки зрения различаются лишь в том, что Бишофф и Хуффшмит хотели бы разрешить дилемму вмешательством государства, в то время как Курц хотел бы видеть крах капиталистического способа хозяйствования.

Другая школа, операистская, описывает массовую безработицу как результат радикальных столкновений на фабриках в 1960-е и 70-е годы. Фласть на фабриках, а тем самым и вся структура капиталистического производства богатства, могла поддерживаться только при помощи глубокого дисциплинирования рабочей силы, посредством реформирования производства, посредством массового высвобождения рабочей силы, новой волны автоматизации, посредством вычленения производственных шагов, и последовательным образом — посредством радикальной экономии, а т.е. посредством кризиса. Операисты подробно и весьма дотошно описывают, как сопротивление рабочих вызвало капиталистическое реформиро-

¹ Имеются в виду Йоахим Бишофф, Йорг Хуффшмит (близкие к социал-демократии немецкие экономисты) и Роберт Курц, марксист, ведущий теоретик групп Krisis и Exit!

вание, сопротивление (кстати, супротив ожиданий этой школы) мотивировалось на удивление мало экономическими факторами, но практически полностью оно было анти-экономическим, оно было не столько борьбой за более высокие зарплаты, сколько борьбой против наёмного труда.

Объективная же школа анализировала именно экономическую взаимосвязь между капиталистическим переформированием и кризисом мировой экономики, однако, не задаваясь вопросом, чем переформирование было вызвано. Там, где объективная школа (да почитайте хотя бы того же Бишоффа) уже давно цитирует одни и те же предложения из третьего тома и уже давно подгибает факты так, чтобы они соответствовали цитатам, можно наблюдать как у операистской школы (можно прочитать это у Морони/Балестрини или у Райта), к её собственному удивлению, её собственный ленинизм разбивается на мелкие куски в том же процессе, в котором разрушается фабричная дисциплина; как под воздействием исторических событий из её рук, вместо долгожданного построения новой большевистской партии, не выходит ничего, кроме тенденции пролетариата просто покончить со всем. Всё это выливается в движение 1977-го года, содержащего в зачатке всю нашу сегодняшнюю реальность.

Операистам пришлось тут же объявить то, что они едва ли поняли, новым революционным субъектом. Можно прочитать у сумасшедшего Негри, на какие эскапады способен даже нищезаниматель в этой связи. Но они засвидетельствовали реальность, которую объективная школа даже не заметила. Для нас сегодня они бесценны потому, что они допустили мысль, что кризис, и в этот раз действительно финальный кризис капитала, может быть спровоцирован автономным действием пролетариата и только им.

Порядок победил, но его параноидальные управляющие по праву ничего не хотят об этом знать. Ценой победы стала неопределённая продолжительность кризиса. Он не преодолен, т.е. он не разрешился, и это, в некотором роде, удивительно. Наоборот, кризис был вездесущ, даже до его сегодняшнего обострения.

Сегодня американские банки разоряются, т.к. разорился американский средний класс; а их готовность финансировать своё потребление посредством кредитов была мотором мировой экономики. Другого не было, как минимум, на протяжении 15 лет, в этом правда кризиса. Товары, производимые этой экономикой, больше нельзя оплатить посредством зарплат, ею выплачиваемых. Пристойное возмущение якобы невинных немцев и прочего быдла подобными спекуляциями можно было бы и не комментировать, оно оказывается деловитой подлостью тех, кто на протяжении 15 лет хорошо зарабатывал на американцах.

Но немцы являются, к сожалению, опасными сумасшедшими, и стоит только почитать комментарии из всех частей их элиты о попытках американцев спасти банки: некоторые одержимы идеей о конце мира; приходится с отвращением констатировать как по ту сторону всех четырёх арифметических действий элита и народ думают и высказываются совершенно одинаково: они готовы строем маршировать в катастрофу, не потому, что они забыли 1929-й, а как раз наоборот. Немецкая элита, в любом случае, готовится к тому дню, когда американский порядок рухнет; всё это стоит в этой стране услышать. Что кризис пришёл из Америки: тут вам любой

поверит, а что нужно в таком случае делать, это знает любой немец, даже если он больше ничего не знает.

Но не финансовые рынки создали кризис, не американцы, не неолиберализм, а пролетариат, что означает, что мы его создали, пусть даже недобровольно; в нём выражается ничто иное как невозможность существования человечества при этом общественном порядке. Бунт 1968-го года — это был огонь, из которого выходим все мы, потухшие, он создал кризис, он разрушил капиталистический модерн, после него человечество стало неуправляемым, и даже контрреволюционному порядку приходится принимать форму непрекращающейся контратаки. Этот кризис — наш кризис, а мы не можем понять этого, т.к. мы принимаем свои личные кризисы за личные несчастья, а не за общественную судьбу. А насилие, которое мы учиняем над собой, чтобы продолжать функционировать, есть то же самое насилие, которое причиняют нам, чтобы функционировала машина.

Кризис является возвращением вытесненного, в нём возвращается в виде слепой экономической судьбы то бунтарское, что у человечества было отнято. Но человечество сегодня очень далеко от сознательного и добровольного, а не принудительного создания невозможности продолжения этого порядка.

Поэтому немцы, когда обрушится мировой рынок, снова будут маршировать за своими элитами, которые, кажется, поняли из уроков 1933-го года, что им не стоит опасаться конкуренции со стороны фашистов, если они сами организуют фашизм. А мир, как и прежде, устроен так, что нельзя исключить, что Освенцим не повторится или не произойдёт чего-то подобного.

Этот опозоренный мир, конечно же, не рухнет с этим кризисом, как он не рухнул и в последний раз; он уже сам — катастрофа, и лишь спасение было бы его концом. Удастся ли человечеству невероятный бросок к спасению, обратно, через пропасть, способно ли оно ещё к отвращению к себе, этого я не знаю. Мы прокляты жить после конца света; если наше собственное отвращение окажется недостаточным, нам больше нечего будет сказать человечеству.

Можно почитать следующую литературу:

Primo Moroni / Nanni Balestrini: L'orda d'oro.

Steve Wright: Storming Heaven.

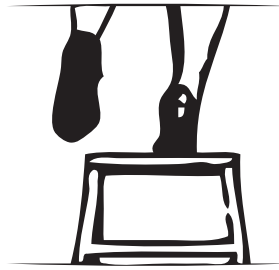
Rene Vienet: Enragés et situationnistes dans le mouvement des occupations, по-английски: Enrages and Situationists in the occupational Movement

Сержио Болонья: Племя кротов

Wolfgang Pohrt: Разум и история у Маркса

Вальтер Беньямин: О понятии истории

Библиотека Анархизма
Антикопирайт



Йорг Финкенбергер
После конца света
Грядущие восстания, часть IV
2008

Скопировано 15.04.24 с <https://liberadio.noblogs.org/?p=1102>
Опубликовано в *Letzer Нуре*, Nr. 8, октябрь/ноябрь 2008. Перевод с немецкого.

ru.anarchistlibraries.net